

блага должны принадлежать всем. Когда они принадлежат одному кому-то, это страшно.

Вот к ним и направлены слова апостола Иакова: «Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших находящихся (на вас). Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас, и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни» (Иаков, гл. 5, ст. 1–3).

Коммунизм, как история, в России останется, это наша русская история. В созидании богоносной страны, Святой Руси, он будет играть не последнюю роль. Сталин сыграл в этом первую роль. Не случайно Сталин, по свидетельству Солоухина, в последние пять лет подписывался — не генсек, а просто И. Сталин.

Современных коммунистов мы тоже должны понять как близких нам, верующим.

Мне больно слышать, как некоторые священники (притом не испытывавшие гонения) пылают к ним ненавистью. Считаю ревность их не по разуму и не христианской. Христианин должен быть сострадательным к заблудшим и к своим врагам, особенно если считает их таковыми, относиться с любовью.

Желаю процветания нашей матушке России, с нами Бог. Оттого и безбожие у нас служит большему выявлению нашей веры.

М. В. НАЗАРОВ

Приспособительная мутация марксизма под русский народ: сталинизм

Талант Ленина состоял в нигилистическом углублении хаоса для захвата власти и в разложении сопротивлявшегося русского народа; сменовеховство 1920-х годов тоже служило целям разложения. Талант Сталина в конце 1930-х годов заключался в использовании противоположного, консервативного приема: вместо продолжения борьбы с русскими, на что режим неэффективно тратил основные силы, Сталину было проще признать их существование как физическую державообразующую реальность и оседлать ее — с целью укрепления своей власти,

а заодно и расправиться с соперниками в партийных верхах. При этом была вычищена самая интернационалистская часть партии, не готовая к такому повороту, — и можно сказать, что скорее руками Сталина это сделало народное сопротивление.

Современникам было трудно разобраться в том, что в этой политике Сталина тактика, а что стратегия. Поэтому новая волна притяжения коммунистической власти в те годы, в том числе в эмиграции, неудивительна. Нам, однако, сегодня доступно знание обо всем периоде сталинского правления, чтобы судить о его целях точнее. И лишь недоумение вызывает то, что многие патриотические авторы, именуящие себя учеными, принимают эту вынужденную паразитическую мутацию марксистского режима в конце 1930-х годов за чистую монету — как чистку партии от «еврейских большевиков» и величают Сталина «национальным вождем Русского народа», осуждая все попытки антикоммунистической борьбы в сталинский период. Такая слепота возможна только при отсутствии православных критериев в оценке и действий Сталина, и мировых событий. Поскольку это явление все еще очень распространено, рассмотрим его ниже на основных этапах сталинского «патриотизма». <...>

Сталин действительно решил прагматично опереться на русский народ как численно преобладающий для построения коммунизма сначала в одной стране — в противоположность троцкистам, стремившимся к немедленной мировой революции. Но это произошло после того, как тот же Сталин покорил русский народ, сломав ему хребет коллективизацией и «безбожной пятилеткой». Он боролся с троцкистами прежде всего за личную власть и был для народа лучше них лишь в той мере, в какой превращение в раба-манкурта «лучше» сожжения на всемирном революционном костре. Незадолго до того Сталин нанес удар и по вполне русскому «кулацкому правому уклону» в партии (Рыков, Томский, Угланов — их даже подозревали в жалости к русскому народу); после них дошел черед и до «левого уклона», в котором преобладали евреи. <...>

В православной оценке тех действий Сталина вообще должна быть другая точка отсчета: этот бывший семинарист стал богоотступником и остался им; как раз во время сталинского «свержения власти еврейских большевиков», в 1937–1938 гг., было расстреляно 106 800 православных священнослужителей.

Очевидно, эта мера была предпринята после того, как перепись 1937 года (когда на вопрос о религии отвечали граждане с 16 лет) дала поразительную цифру верующих в СССР: 55,3 млн человек, из них 41,6 млн православных (неверующими назвались 42,2 млн). Это означало, что, несмотря на преследования, православными себя открыто признали 42,3 % взрослого населения страны. А ведь еще было и множество катакомбных верующих, скрывавших свою веру от богоборческой власти!

В 1939 году в СССР расстреляли еще 900, в 1940-м — 1100, в 1941-м — 1900, в 1943-м — 500 православных священнослужителей (цифры уменьшились, поскольку духовенства на свободе тогда уже почти не осталось: накануне войны на всю страну в границах 1939 года было лишь около сотни действовавших храмов и ни одного монастыря). Поэтому приведенное суждение о Сталине как «национальном вожде Русского Народа» трудно расценить иначе, как кощунство над памятью этих мучеников.

А сколько вообще народа — от сотен тысяч крестьян до тысяч виднейших ученых (достаточно назвать имена Чаянова, Вавилова, Туполева, Королева) — было тогда же уничтожено или брошено в лагеря! Красные патриоты почему-то забывают и сталинский разгром собственной армии накануне войны, о чем в официальном советском издании написано: «С мая 1937 по сентябрь 1938 года подверглись репрессиям около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий, все командиры корпусов и командующие войсками военных округов, члены военных советов и начальники политических управлений округов, большинство руководящих политработников... многие преподаватели высших и средних военных учебных заведений». Сталин пошел на это накануне назревавшей войны, потому что боялся собственной армии.

В случае высокопоставленных деятелей аресту (и даже расстрелу) подлежали «жены врагов народа» и другие члены семьи; председатель Комиссии по реабилитации называет цифру таких репрессированных в 40 056 человек...

Итак, это было уничтожение не «еврейских большевиков», а всех социальных групп, которые могли представлять собой потенциальную опасность для режима — для наведения всеобщего страха на остальных. Страх коверкал души и расчеловечивал людей, принуждал к доносам и предательству близких.

Оправданное желание сильной русской власти не должно деградировать до оправдания такой преступной власти.

«ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОБЕДЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ»

Сталинистская трактовка германско-советской войны О. А. Платоновым и его единомышленниками также далека от истины. Невозможно согласиться с ними, что в 1941 году «западный мир ставил своей целью полное уничтожение России — СССР... К войне против России Германию подталкивали иудейско-масонские режимы США и Англии, видевшие в Гитлере орудие осуществления своих планов мирового господства и разрушения России».

Подталкивали, но с обратной целью: для уничтожения европейского фашизма усилиями СССР. Иначе зачем было США помогать Сталину огромными поставками оружия и стратегических материалов (18 тысяч самолетов, 12 тысяч танков, 409 тысяч автомашин, боеприпасы, металлы, бензин, оборудование для целых заводов, продовольствие)? Без этого «мы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну», — признавал маршал Г. К. Жуков в откровенных беседах. <...>

Сталин, разумеется, и сам был не прочь прибрать к рукам Европу, но планировал иное развитие событий. К началу Второй мировой войны в 1939 году наиболее мощным военно-экономическим потенциалом обладали подкрепленные финансовой мощью международного еврейства западные демократии во главе с США; на втором месте был Антикоминтерн (Германия и Италия с авторитарными союзниками, вплоть до Японии); на третьем месте — СССР. Антифашистский союз коммунизма с демократиями (чего они упорно добивались) означал бы для СССР вступление в проигрышную войну с германо-японским союзом — сразу на два фронта. Выгоднее было столкнуть между собою двух самых сильных противников (демократии и Германию) для их взаимного ослабления и при этом слегка поддерживать более слабого (Германию) — для последующего вступления в войну и захвата всей ослабленной Европы.

В ноябре 1939 года во Франции было опубликовано изложение подобных целей в выступлении Сталина 19 августа того же года на закрытом заседании Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам внешней

политики (недавно был найден и предполагаемый текст самого выступления). Даже если остаются сомнения в его подлинности, высказанные в нем мысли вполне в духе сталинского мышления. Поэтому он в августе 1939 года заключил советско-германский пакт, который позволил сразу вернуть в СССР и многие территории Российской Империи, утраченные после революции (в том числе западнорусские земли, оторванные Польшей и прибалтийскими государствами-лимитрофами).

Однако Сталин переоценил способность Франции и Англии сопротивляться Гитлеру (его совсем не опасалась значительная часть населения европейских стран, уставшая от экономического кризиса и находившаяся под впечатлением германских экономических успехов). Так вместо ослабленной Европы и истощенной войной Германии получилось объединение Гитлером почти всего европейского потенциала в своих целях — по завоеванию земель на востоке.

Сталин это, несомненно, понял, как и то, что лучшая оборона от заведомого агрессора — превентивное нападение. С военной точки зрения было бы странным и безответственным, если бы оно им не планировалось. Поэтому споры вокруг этой темы непонятны и бессмысленны (тем более что большинство спорщиков видят лишь двух виновников развязывания войны, Сталина и Гитлера, — и упускают из виду цели и действия главного виновника: мировой закулисы). Но Сталин затянул подготовку войны, своими новыми территориальными притязаниями раздражил Гитлера, который и опередил Сталина 22 июня 1941 года.

Разумеется, моментально восстановленный после этого союз большевиков и западных демократий в виде антигитлеровской коалиции был естественным для обеих сторон.

И тут уже просчитался Гитлер, недооценив не только изворотливость Сталина, но и главное — силу русского народа. Успехи немецких войск в первые месяцы войны были предвидимы: народ в СССР не хотел защищать марксистскую власть, только что проводшую коллективизацию, безбожную пятилетку и массовые репрессии. Этому множество свидетельств! Но затем наступил перелом — после реабилитации Сталиным (из-за потребностей обороны) русского патриотизма и Церкви — правда, лишь в 1943 году после того, как стало широко известно, что под немецкой оккупацией массово открываются храмы.

По свидетельству Г. Карпова, куратора церковных дел, перед встречей с архиереями Сталин задал ему вопросы о количестве приходов, что из себя представляют архиереи, кто руководит другими православными Церквами, когда и как был избран Патриарх Тихон, — даже этого «национальный вождь Русского Народа» не знал. Два часа спустя митрополитов доставили в Кремль, где Сталин предложил им собрать архиерейский Собор «большевицкими темпами», в 3–4 дня, причем уцелевшие епископы доставлялись в Москву из ссылки и лагерей самолетами...

Перелому помог и Гитлер своей расистской антирусской политикой (вместо объявленной антикоммунистической) на оккупированных территориях. Все это, вместе взятое, и определило поведение русского народа и исход войны.

Но героем (и жертвой) в ней был русский народ, а не Сталин и его компартия. Даже маршал Жуков в своих воспоминаниях обвинил Сталина в катастрофических ошибках. Партия вела войну, не жалея народа, — чему также можно привести массу свидетельств. Поэтому и Сталин, назвавший число потерь в 7 миллионов человек, и его последователи (Хрущев — 20 миллионов) скрывали подлинную цифру: не менее 30 миллионов. (Легко проверяемый подсчет профессора И. А. Курганова дает 44 миллиона, правда в эту цифру входят и потери от падения рождаемости). (Для сравнения: США, Канада, Англия, Франция, Бельгия, Дания, Норвегия, Греция, Голландия, Австралия, Новая Зеландия, Индия и Южно-Африканский Союз все вместе потеряли во Второй мировой войне 940 707 человек.)

Причем даже слова «патриотизм» и «Родина» в устах Сталина имели свое специфическое значение, как и многие другие термины советского новояза вроде «врага народа»: они не означали реальную сущность этих слов, а имели функциональное назначение в тоталитарной системе «двоемыслия», которое хорошо показано в художественной форме в антиутопии Орвелла «1984» и в философско-идеологической форме — в исследовании Р. Редлиха «Сталинщина как духовный феномен».

Поэтому и у немалой части нашего народа, и у белой эмиграции (она советскому строю не присягала, многие помнили о своей дореволюционной присяге) были все основания не верить Сталину, — а стремиться к созданию угодной Богу

русской «третьей силы», противостоящей Сталину и Гитлеру в опоре на свой народ. Тот, кто считает это изменой Родине, — отождествляет Родину только с марксистской властью и не понимает ни мировой расстановки сил, ни выбора, перед которым стояла русская эмиграция, ни итога войны. (Где сейчас та сталинская победа? Ее плоды улетучились вместе с мертворожденной КПСС.) <...>

ЧИСТКИ «ВРАГОВ НАРОДА» ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Невозможно согласиться и с утверждением, что послевоенные репрессии Сталина были направлены «против врагов Русского народа», — они были вновь против врагов коммунистической власти и, как всегда, были огульно-превентивными. В лагерях преобладали русские, и даже вернувшиеся в СССР эмигрантские совпатриоты не избежали репрессий. Основная часть русского народа-победителя — беспаспортные крестьяне — были еще более закрепощены без права свободного выезда в ближайший город.

Подавляющее большинство церквей, действовавших в СССР после войны (около 14 000, в том числе 101 монастырь), были открыты при немецкой оккупации или вошли в состав СССР вместе с присоединенными территориями. (Этот факт противоречит утверждению упомянутой «легенды о митрополите Гор Ливанских», что в годы войны при Сталине было открыто «20 000 храмов» и сам вождь молился.) И уже в декабре 1944 года Совнарком предписал закрывать открытые храмы, если до войны в них размещались государственные организации (к 1949 году закрыли 1150 таких приходов); в 1946–1947 годах было ликвидировано 16 монастырей. Если до 1947 года кое-где храмы еще открывались по настойчивым просьбам верующих, то с 1948 по 1953 год ни один новый храм не был открыт, несмотря на многочисленные просьбы верующих. Попытки первоиерарха встретиться со Сталиным не удались. В 1946 году духовенство было обложено огромным налогом. В 1947 году было создано «Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний» с целью усиления атеистического воспитания. В 1948 году запретили проведение крестных ходов и начали закрытие хра-

мов и монастырей. С 1 января 1947 по 1 июня 1948 года было арестовано 679 священников; начались и аресты архиереев: арестовали архиепископа Мануила (Лемешевского) и др.

Все это, как и описываемое Платоновым «Ленинградское дело» в 1949 году («процесс над русскими национал-большевиками... организованный еврейскими большевиками... массовые аресты руководящих русских кадров в центре и на местах»), происходило не потому, что евреям и космополитам удалось обмануть наивного Сталина, а потому, что он расчетливо устранял любые опасности своей личной власти: и еврейские, и русские, расправляясь с одними посредством других.

То есть Церковь была нужна Сталину лишь как тактический союзник в годы войны; предоставленный же войной удобный повод для отказа от марксизма с переходом на русскую идеологию не был использован.

Единственное, что еще заставляло Сталина терпеть Церковь, — это начавшаяся Холодная война. В ней Церкви был отведен специфический участок фронта: «борьба за мир», точнее — проведение «советской миролюбивой политики». И поскольку в становлении послевоенной Европы и протестантская церковь, и особенно католическая играли немалую роль, а также сопротивлялись коммунизации Восточной Европы, Сталин видел в них политического противника и потому поощрил созыв в 1948 году московского совещания поместных православных Церквей, которое осудило католицизм как еретический центр международных интриг. Было осуждено и протестантское детище — экуменическое движение — с намеком, что лучше бы протестантам сблизиться с Православием против католиков. Критика западных конфессий за «пособничество империализму» печатается и в «Журнале Московской Патриархии» за те же годы. Другой шумной акцией в этом же русле «советской миролюбивой политики» стала в 1952 году «Конференция церквей и религиозных объединений СССР в защиту мира», которая протестовала против милитаризации Западной Германии и послала приветственную телеграмму Сталину.

Теоретически у Сталина был шанс превратиться «из Савла в Павла», но он не был к этому готов духовно как богоотступник. Сталинский «патриотизм» не признал ни одного из предшествовавших преступлений марксистского режима против народа

и Церкви и не сделал ни малейшего шага к покаянию. Например, в 1942 году в беседе с Черчиллем Сталин оправдывал коллективизацию как «страшную борьбу». Черчилль поддакнул: «Я так и думал, что для вас она была тяжелой. Ведь вы имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей». Сталин поправил его: «С десятью миллионами... Это было что-то страшное, это длилось четыре года... Но основная их часть была весьма непопулярна и была уничтожена самими батраками...»

Итог ленинско-сталинского периода можно выразить цифрой человеческих потерь согласно подсчету профессора И. А. Курганова: с 1917 по 1959 год страна потеряла 110 миллионов человек (в эту цифру входят и потери от падения рождаемости), в том числе 66 миллионов в невоенное время «социалистических преобразований».

Еще большие цифры потерь привел в 1990 году специалист по статистике О. А. Платонов: «По нашему подсчету, общее число лиц, умерших не своей смертью от массовых репрессий, голода, эпидемий, войн, составило за 1918–1953 годы более 87 миллионов человек... Погибла не просто часть населения, а лучшая его часть... А всего, если сплусовать число лиц, умерших не своей смертью, покинувших родину, а также число детей, которые могли бы родиться у этих людей, то общий людской ущерб страны составит 156 миллионов человек». (Как автор этого приговора позже умудрился величать виновника этих жертв «национальным вождем Русского народа» — понять невозможно.)

В последнее время в красной печати появились публикации, якобы основанные на официальной статистике, репрессированных в СССР — 1 или 2 миллиона человек. Однако при подготовке Верховным Советом РФ закона о реабилитации репрессированных в 1991 году МВД дало справку о числе репрессированных по классовым и политическим мотивам — 50 114 267 человек (расстрелянные, отправленные в лагеря, раскулаченные, сосланные и т. д.). И в эту цифру еще не включены жертвы красного террора, гражданской войны, искусственного голода, внесудебных расстрелов при подавлении восстаний.

Да и можно спросить: если жертв коммунистического режима было всего лишь 2 миллиона, то куда девались 110 миллионов человек — разница между должной и реальной численно-

стью населения СССР в 1959 году, подсчитанная проф. Кургановым на основании советской статистики?

Ни одна страна в мире не понесла от коммунизма столь огромных потерь (разве что еще Камбоджа — в пропорциональном отношении). Они говорят не только об уникальности этого режима, когда одержимое идеей вседозволенности меньшинство, применяя тотальный террор, способно сломить сопротивление своих более нравственных противников путем их массового уничтожения. Эти цифры говорят и о масштабе сопротивления народа этому режиму. Причем наш народ сопротивлялся в одиночку, преданный всем «цивилизованным миром», который политически, экономически и даже военными поставками поддерживал наших карателей-богоборцев.

Все это опровергает как утверждения советских идеологов о «русской революции» и о «социалистическом выборе», так и тезисы западных советологов о «рабской природе» русского народа, ставшей причиной «русского коммунизма». Подобные советологические утверждения как раз имели целью замаскировать преступную роль мировой закулисы в русской трагедии XX века.

* * *

Все исторические потрясения многоплановы. Их соперничающие участники преследуют в них свои цели, и победители своих земных целей добиваются. Но в Божественном промысле эти победы могут приобретать совсем иные последствия и служить иной цели. Так и торжество большевизма, захватившего власть в России, не привело к построению безбожной коммунистической утопии (это было невозможно), но предотвратило присоединение России к апостасийному миру уже в марте 1917 года (что было возможно). Ценою огромных жертв на тупиковом коммунистическом пути, который неизбежно должен был прийти к своему концу, России была дана возможность лучше понять смысл истории — и восстановиться для служения Богу замыслу.

Этот шанс восстановления был дан нашему народу уже в связи с советско-германской войной, которая была попущена Богом для возрождения православного и патриотического созна-

ния. Многочисленные чудеса в годы войны, примеры обращения к Православию высоких военачальников, восстановление деятельности церковных структур — указывают на первый вариант возможного восстановления православной России: через покаянное обращение ее правящего слоя. Был и другой вариант: предсказания старцев о том, что Германия своим нашествием спасет Россию; на это надеялись и сторонники «третьей силы» против Сталина и Гитлера, будучи уверенными, что, сокрушив власть большевиков, Германия не сможет овладеть огромной Россией и будет отброшена воспрянувшим русским народом.

К сожалению, коммунистическое руководство страны во главе со Сталиным не дало осуществиться возрождению ни в одном из двух возможных вариантов, причем паразитическое использование первого (официальный русский патриотизм) было направлено для подавления второго (независимого русского патриотизма). России предстояло двигаться в опасное будущее по-прежнему в путях марксизма — и теперь уже в опасной конфронтации с западным миром, в идеологической Холодной войне, которую на марксизме выиграть было невозможно.

ПРОТ. ВАСИЛИЙ (ШВЕЦ)

Из статьи «Чудеса от Казанской иконы Божией Матери»

Перед самым началом Великой Отечественной войны (1941 г.) одному старцу Валаамского монастыря (Валаам в то время принадлежал Финляндии) было три видения во время службы в храме:

1. Он увидел Божию Матерь, Иоанна Крестителя, святителя Николая и сонм святых, которые молили Спасителя о том, чтобы Он не оставил Россию. Спаситель отвечал, что в России так велика мерзость запустения, что невозможно терпеть эти беззакония. Все эти святые с Богородицей продолжали молить Его со слезами, и, наконец, Спаситель сказал: «Я не оставлю Россию».

2. Матерь Божия и святой Иоанн Креститель стоят перед престолом Спасителя и молят Его о спасении России. Он ответил: «Я не оставлю Россию».